

журнал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.history.milportal.ru/2013/03/chexoslovakij-korpus>. — Дата доступа: 09.09.2014.

Дубровка Елена Николаевна

Гомельский государственный университет им Ф. Скорины (Гомель, Беларусь)

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ ДЛЯ ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (МАРТ 1920)

В период Парижской мирной конференции 1919 — 1920 гг. Верховный совет союзных и объединившихся держав признал право польского правительства на управление территориями западнее линии, проходившей от точки пересечения реки Буг с довоенной границей между Россией и Австро-Венгрией, до довоенной границы между Россией и Восточной Пруссией, а также право на оккупацию территории Восточной Галиции [2, s. 1—7; 7, s. 375—376]. Однако к концу конференции в ее документах не был закреплен статус восточнославянских территорий, располагавшихся восточнее этой линии, зафиксированной в декларации 8 декабря 1919 г. Это вызывало к жизни разные проекты для польско-восточнославянского пограничья, которые могли оформить их место в новой системе международных отношений. Ниже пойдет речь о проекте, выдвинутом в марте 1920 г. во внешнеполитическом ведомстве Великобритании (далее Форин офис. — *Авт.*), ведущего европейского «творца Версаля».

Появлению британского проекта в марте 1920 г. способствовали попытки Польши, чьи войска на рубеже 1919—1920 гг. уже вышли к рекам Западная Двина и Березина, а также находились на территориях Волыни и Подолья, добиться реализации своего проекта для польско-восточнославянского пограничья. В феврале 1920 г. в своем донесении в Лондон британский поверенный в делах в Варшаве Г. Рамбольд сообщал, что глава государства Ю. Пилсудский стремился к созданию буферных государств между Польшей и Советской Россией, таких как Белая Русь и Волынь [3, p. 215]. Однако в Форин офис идея государств-буферов не была принята. Польский посланник в Лондоне Е. Сапега писал в Варшаву, что английское правительство считало идею создания федерации «замаскированной аннексией или утопией» [1, с. 562]. Более того, 26 февраля 1920 г. британская делегация представила на

Конференции послов в Париже (орган, созданный по решению Верховного совета союзных держав для рассмотрения практических вопросов, возникавших в ходе осуществления Версальского мирного договора. — *Авт.*) меморандум. Он содержал протест против намерения Польши провести плебисцит на «восточных территориях», отстаивая **право союзных держав решать их судьбу**. По предложению британской делегации было решено передать этот протест Польше от имени всех союзных держав [3, р. 215, 231—233].

В середине марта Г. Рамбольд официально передал в Форин офис содержание польского проекта условий мира с Советской Россией, подготовленного в ответ на советские ноты и обращения с призывом к началу мирных переговоров [4, р. 69; 1, с. 446—447, 508—509, 511—513]. Текст ноты, переданной из Варшавы, гласил, что **Польша «определит судьбу»** народов, населяющих регионы в пределах границ 1772 г., в соответствии с их пожеланиями» [4, р. 69]. Это явно противоречило уставным нормам британского меморандума от 26 февраля.

Оценка польских условий нашла свое отражение в меморандуме «Польские условия мира с большевиками», подготовленном в Форин офис для британского Кабинета [6]. В нем отмечалось, что «восточные пограничные области», на которые претендует Польша, помимо небольших регионов Литвы и Латгалии на севере включают Белую Русь (White Russia) и малорусские (Little Russian) территории. Белая Русь состоит из частей Витебской и Виленской губерний (без северных и северо-западных районов), северной и центральной частей Гродненской губернии, а также Минской и Могилевской губерний. Малорусские территории — южная часть Гродненской губернии, Волынь, Подолье, Киев, Восточная Галиция и восточные районы Холмской губернии [6, р. 2—3]. Белорусы, как и «малорусы», рассматривались как ветви русской нации с доминированием соответствующего этнического самосознания. Подчеркивалась их связь с Россией общностью традиций, языка, культуры, религии, а также посредством «социальных интересов крестьянства» [6, р. 5]. Часть белорусского населения, открыто заявлявшая о своем национальном отличии от России, охарактеризована как «полунинтеллигенция», составлявшая «маленькую группу», которую можно разместить на «большом диване». Подавляющее же большинство населения «едва осознает себя крестьянами, православными... и русскими» [6, р. 6].

Рассматривая варианты дальнейшего существования указанных территорий, меморандум отмечал **невозможность** реализации права на самоопределение белорусского и украинского этносов в рамках **поль-**

ской федералистской концепции по той причине, что польские границы 1772 г. обозначают не границы их расселения, а границы, до которых простирались польские земельные поместья. Польское правительство подозревало в намерении решить за счет «пограничных областей» аграрный вопрос: отдавая эти земли крестьянам-осадникам, сохранить крупные владения внутри собственно Польши. Это могло породить социальный конфликт между поляками с одной стороны, белорусами и «малорусами» — с другой, и неизбежно превращало потенциальный союз в союз «наездника и лошади», на что «ни те, ни другие не согласятся» [6, р. 4, 6—7]. При этом «наездник», судя по донесениям в Форин офис, характеризовался крайней «жестокостью», в отличие от большевистского правительства Белой Руси, хоть и «нелепого», но более «мягкого и менее жестокого» [6, р. 10—11]. В соответствии с этой установкой Г. Рамбольд заявил польскому министру иностранных дел Ст. Патеку, что Польше не следует требовать земель до границы 1772 г. Он указал, что в условиях принятия Советской Россией такой границы и последующего нарушения ею соглашения и нападения на Польшу Великобритания не окажет полякам помощи [3, р. 245—246].

Не поддерживалась в британском Форин офис также идея **плебисцита** на этих территориях ни в условиях польской оккупации, ни в условиях международного контроля, так как голосовавшие должны были бы выбирать не только между Польшей и Россией, но и между капитализмом и большевизмом. Справедливый же плебисцит должен предполагать выбор между государствами с одинаковым социальным строем. Кроме того, честный плебисцит предполагает возможность свободной пропаганды, т. е. и пропаганды в пользу большевизма, чего «наши (английские. — *Авт.*) взгляды не приемлют» [6, р. 8—9].

В качестве проекта для польско-восточнославянского пограничья предлагалась возможность **установления международного контроля** (контроля Лиги Наций) над территориями к востоку от линии 8 декабря 1919 г. до момента стабилизации ситуации в России. С одной стороны, это должно было обезопасить Польшу и дать ей возможность перенаправить средства на мирную реконструкцию. С другой стороны, создание нейтральной зоны под руководством международной комиссии во главе с англичанином создало бы «отличную основу для нашей (английской. — *Авт.*) будущей политики в отношении России с экономической и политической точки зрения» [6, р. 9—10]. Однако при реализации этого проекта предполагались значительные сложности — необходимость включить в нейтральную зону все непольские земли (Вильно, Восточная Галиция) и не допустить на них полониза-

цию местного населения под международным прикрытием. Учитывая эти сложности, меморандум также предлагает вариант **«воздержаться от действий»** и позволить полякам и русским свободно довести борьбу по этому вопросу до конца» [6, р. 12]. В унисон с последним вариантом прозвучало заявление британского премьера в парламенте о том, что Великобритания будет «должна продумать свою позицию» только в ситуации, если Польша и Советская Россия не договорятся [5].

Таким образом, весной 1920 г. статус региона польско-восточнославянского пограничья с точки зрения британского внешнеполитического ведомства еще не был официально закреплен в рамках оформлявшейся Версальско-Вашингтонской системы. Претензии Польши на включение в сферу ее политического влияния восточных территорий «в пределах границ 1772 г.», а также идея плебисцита не поддерживались. Сложности реализации идеи установления международного контроля склонили чашу весов в пользу позиции «wait and see» (подождать и посмотреть), стимулируя развитие событий на региональном уровне.

Библиографический список

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И.А. Хренов (отв. ред.) [и др.]. — М., 1964. — Т. 2. — С. 569—571.
2. Declaration of the Supreme counsel of the allied and associated powers relating to the provisional eastern frontiers of Poland [1919] // Archiwum Akt Nowych. — Zespół 40. — Sygn. 73. — S. 1—7.
3. Documents on British foreign policy 1919—1939. 1st Ser. [1919—1925] / ed. by R. Butler [etc.]. — London, 1961. — Vol. 11. — 747 p.
4. Foreign countries report № 13, 24th March 1920 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-154.pdf>. — P. 67—72. — Date of access: 15.03.2012.
5. Poland // House of commons debates 29 March 1920 [Electronic resource]. — Mode of access: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/mar/29/poland#S5CV0127P0_19200329_HOC_128. — Date of access: 07.06.2009.
6. Polish peace terms to the bolsheviks [March 20th, 1920]. — 13 p. [Electronic resource]. — Mode of access: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7735417#imageViewerLink>. — Date of access: 05.09.2014.
7. Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r.: dokumenty i materiały: w 3 t. / red. K.R. Bierzanek. — Warszawa, 1967. — Т. 2. — 480 s.